

Тут раньше было большое село – Родионково. Полицаи всё сожгли, людей бросили в огонь. Никого не оставили. К нам прислали Василия Фёдорыча. У него дочь – Наденька. Её хотели увезти, но она убежала. Пришла ко мне, вдруг приезжают ночью. Все рамы высадили. «Отдавай, – говорят, – расстреляем или заколем штыками!». Но я не выдала. Всё равно поймали.

Меня ввели на расстрел. Василий Федорович говорит: «Пожалейте – у нее двое маленьких ребят». Потом опять приезжали. У меня старая избёнка была. Под печкой я присидела, куда они уехали. И ребят жалко и страшно. И хозяина домой не отпускали, он работал на военном заводе. Шесть лет после войны всё мучилась одна. Сельсовет хлопотал обо мне. Потом пришёл [муж] – избку срубили.

Надю так и увезли, и неизвестно, что с ней стало. Они отступали и все деревни спалили. Малофёево только осталось. Там Тимоша Горнистов был старостой. Вот и спаслась. Его посадили на 25 лет, просидел 10, заболел, его выпустили. Самохвалово сожгли и с народом. Народ не выпускали из помещений. Узнали, что спасали партизан, вот и сожгли. Староста сам скрывал партизан.

Скотину отобрали, у нас в деревне ни одной коровки не было. А моя какими судьбами через неделю пришла домой. Посоветовали взять. Я мучилась-мучилась, но так и не расстреляли – выжила. Переселили нас. И всё с собой взяла. И повела я корову, и двоих детей.

Стали бои, осколки летели, и мальчика утеряла. Надо корову спасать. Корову привязала к дереву, пошла Витю искать. Соседка нашла. Он плачет: «Где мама, где мама?» Горюшко мне было, корову всё равно спасла. Сено на себе носила. Корову кормила в лесу.

Когда пришли наши, то Витя кричал: «Мама, мама, красенькие идут!». Поднялись на гору, а там наши идут. На горе

привал устроили. Как коровка была, да сахарьки [сухарьки?], я их и накормила, ну и довольные пошли.

У дороги дом хороший был у меня. У нас посёлок был настоящий. Раньше книжки писали призовые. Было 55 книжек. Хозяин днём около рабочих, ночью выводит трудодни. Две недели всего и пожил. Денег не получали – хлеб давали.